Алиса Вернер

Моя лучшая подруга — мошенница

Алиса Вернер

МОЯ ЛУЧШАЯ ПОДРУГА — МОШЕННИЦА

«Автор»
2026

Вернер А.

МОЯ ЛУЧШАЯ ПОДРУГА — МОШЕННИЦА / А. Вернер — «Автор», 2026

Одиннадцать лет дружбы. Один общий бизнес. Тысячи секретов и обещание никогда не предавать друг друга.Я верила Кире больше, чем самой себе. Вместе мы создали свадебное агентство, превращая чужие мечты о счастье в реальность.Но однажды моя лучшая подруга бесследно исчезла.После неё остались миллионные долги, поддельные документы и десятки свадеб, которых никогда не было.А среди подозрительных договоров я обнаружила имя собственного жениха. Только невестой оказалась другая женщина.Теперь полиция задаёт вопросы, кредиторы требуют деньги, а любимый мужчина скрывает правду.Чтобы спасти свою жизнь, мне придётся выяснить, кем на самом деле была моя лучшая подруга.Но чем ближе я к разгадке, тем страшнее становится истина.**Что, если самое опасное предательство совершает не враг, а человек, которому ты доверяешь своё сердце?**История о женской дружбе, любви, обмане, опасных тайнах и цене доверия.

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
ГЛАВА 1. ЧУЖАЯ НЕВЕСТА 8
ГЛАВА 2. ЦЕНА ОТМЕНЁННОГО ПРАЗДНИКА 14
ГЛАВА 3. НЕЗНАКОМЫЕ ИМЕНА 17
ГЛАВА 4. ДВА МЕСЯЦА МОЛЧАНИЯ 20
ГЛАВА 5. ДЕВУШКА СО СВАДЕБНЫХ СНИМКОВ 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Алиса Вернер
МОЯ ЛУЧШАЯ ПОДРУГА — МОШЕННИЦА

МОЯ ЛУЧШАЯ ПОДРУГА — МОШЕННИЦА
Алиса Вернер

ПРОЛОГ

За шесть дней до исчезновения

Кира Мельник ненавидела пустые свадебные залы.

В них всегда оставалось что-то от чужого счастья: забытая шпилька под стулом, блёстки на тёмном паркете, липкие следы шампанского у сцены. Но сегодня в банкетном комплексе «Атриум» не было ни шпилек, ни блёсток. Последняя настоящая свадьба прошла здесь почти месяц назад.

И всё же по документам зал работал каждую пятницу и субботу.

— Сорок семь, — выдохнула Кира, проводя ногтем по краю распечатки. — Зачем ему понадобилось столько?

За окнами чёрным зеркалом лежала река. В полутёмном помещении гудели холодильники служебной кухни. Огромная люстра над танцевальной площадкой отражалась в окнах, словно там, на другой стороне, существовал ещё один пустой зал.

В папке значились сорок семь фиктивных свадебных торжеств. У каждого были номер договора, дата, список подрядчиков, аванс и итоговый акт. Фамилии в документах принадлежали настоящим людям — когда-то Кира собирала их данные для заказов, рекламных съёмок и договоров аренды. Но свадеб, указанных в этой папке, не было. Кира никогда не видела полного перечня: часть записей Гордеев подделал задним числом, используя архив агентства.

Она думала, всё закончится на трёх подложных договорах. Кира сама внесла их в отчёт, надеясь убедить арендодателя, что у агентства достаточно будущих заказов для отсрочки платежа. Она обещала себе исправить ложь, когда появятся настоящие клиенты. Но за выдуманными свадьбами не стояло ни выручки, ни права пользоваться чужими именами.

Потом появился Павел Гордеев.

Гордеев быстро понял, на чём её можно поймать. Он получил доступ к архиву и стал оформлять десятки чужих заказов как уже проведённые мероприятия своей сети. В этих бумагах перемешались поддельные акты, реальные платежи и деньги настоящих клиентов. Он твердил, что Даша слишком доверчива, чтобы заметить происходящее. А Кира слишком глубоко увязла, чтобы просто уйти.

Кира заметила.

Слишком поздно.

Она перелистнула последнюю страницу и наткнулась на знакомое имя.

Максим Серов.

В графе «невеста» стояло: **Софья Елагина**.

Кира медленно выпрямилась.

Это был не просто номер в таблице. Это был мужчина, за которого через полтора месяца собиралась выйти её лучшая подруга. Договор датировали прошлым ноябрём. Кира уже видела ранний вариант этого договора: два месяца назад Максим прислал ей файл и потребовал удалить его личные данные. Тогда она отговорилась рекламным шаблоном и обещала всё исправить. Теперь перед ней лежал документ, который Гордеев включил задним числом в список якобы состоявшихся свадеб.

— Нашла что-то интересное?

Кира резко обернулась.

В дверях стоял Павел Гордеев. На нём были светлое пальто и безупречно чистые ботинки. Он всегда выглядел так, будто случайно забрёл в чужую грязную историю и совершенно не понимал, почему в ней оказался.

— Ты говорил, что больше не будешь использовать личные данные наших знакомых.

— Я говорил, что буду осторожен.

— Это жених Дарьи.

— И что?

Кира не нашла слов. Гордеев спокойно подошёл к столу и положил рядом с папкой телефон.

— Мне нужен полный доступ к новым материалам вашего агентства до конца недели.

— Нет.

Он даже не повысил голос.

— Не надо драматизировать. Ты уже дала мне достаточно, чтобы закончить начатое. Я прошу только не мешать.

— Ты использовал подпись Даши.

— В документах есть подписи. Кому они принадлежат — другой вопрос.

Кира почувствовала холод под рёбрами.

— Она ничего не знала.

— Значит, ей будет трудно объяснить, почему документы оформлены от имени компании, где она директор.

Он открыл на телефоне фотографию. На ней младшая сестра Киры, Соня, выходила из музыкального училища с футляром скрипки за плечом. Снимок был сделан сегодня.

— Не приближайся к ней, — выдохнула Кира.

— Я и не собираюсь. Если мы все останемся благоразумными.

Кира поняла: если сейчас броситься на него, поддельные документы не исчезнут, долги не спишутся, а людям не вернутся деньги. И Соня от этого не станет безопаснее.

Кира закрыла папку.

— Я хочу забрать рабочие материалы.

— Забирай. Только не забывай, что у любой истории есть несколько версий.

Он ушёл первым.

Кира подождала, пока за ним закроется дверь, и вытащила из прозрачного кармана последнюю схему рассадки гостей. На ней от руки было написано: «Стол № 0». Нумерация гостевых столов начиналась с единицы. Нулевого стола в зале не существовало.

Эту пометку Кира придумала сама. На обороте схемы она записала номера от 001 до 047. Те же номера оставила в углах макетов приглашений и на копиях приложений к договорам: бумажные совпадения могли помочь проверить, какие заказы подменены. Одной записи «Стол № 0» для доказательств было недостаточно.

Теперь схема была подсказкой к спрятанному архиву, а не готовым ответом. Чтобы подтвердить обман, Даше всё равно понадобятся выписки, подлинники и свидетельства.

Кира сложила схему вчетверо и вложила в узкий карман под плотной вкладкой с образцами картона. Туда же спрятала копии нескольких актов, которые успела забрать из папки Гордеева. На корешке альбома поставила маленькую надпись «Стол № 0»: указатель на то, что внутри лежат не только образцы бумаги для красивых свадеб. По правилам работы весь комплект из «Атриума» должны были вернуть на склад агентства. Кира надеялась, что там его однажды найдёт Люба, привыкшая хранить даже неудачные макеты.

В зеркальной стене мелькнуло её отражение: женщина в дорогом пальто, с аккуратной причёской и лицом, которому больше никто не должен был верить.

— Прости меня, Дашка, — сказала она пустому залу.

И не знала, хватит ли одного признания, чтобы исправить то, что натворила.

ГЛАВА 1. ЧУЖАЯ НЕВЕСТА

В нашем свадебном агентстве всегда пахло цветами, кофе и свежей бумагой.

В понедельник к этим запахам добавился страх.

Сначала я его не узнала. Мне показалось, что в помещении просто холодно: октябрьский ветер тянул из плохо закрытого окна, а отопление снова работало по собственным правилам. Я поставила сумку на стойку, сняла шарф и пошла к термостату.

На рабочем столе Киры лежала открытая папка. Рядом стоял её недопитый стакан с чаем. На поверхности плавала тонкая плёнка, а лимон потемнел по краям.

Кира никогда не оставляла чай на ночь. Она вообще терпеть не могла беспорядок.

Я посмотрела на часы. Восемь часов семь минут.

— Кир? — позвала я.

Никто не ответил.

Я пожала плечами. Может, она пришла раньше и спустилась за кофе. В последние недели мы обе работали слишком много: впереди были две большие свадьбы, зимняя выставка и моя собственная церемония, которую я всё никак не могла организовать. Ирония ситуации забавляла всех, кроме меня.

Я умела подобрать правильный оттенок скатертей для совершенно незнакомой пары, но не могла решить, какие цветы хочу видеть на собственной свадьбе.

— Только не пионы, — говорил Максим. — Ты с нашего знакомства жалуешься на них после каждой фотосессии.

— А ты с нашего знакомства советуешь заказать пиццу вместо банкета.

— Пицца не вянет на второй день.

Я улыбнулась этому воспоминанию и включила чайник.

На телефоне было два пропущенных звонка от незнакомого номера и сообщение от поставщика ткани: «Дарья, срочно свяжитесь. Отгрузку сегодня не подтверждаем».

Я нахмурилась.

В прошлую пятницу Кира говорила, что счета оплачены. Я лично утвердила материалы: белый муслин, серо-зелёная органза, плотный шёлк для оформления выездной регистрации. Мы делали свадьбу для пары, которая два года откладывала деньги на праздник и хотела, чтобы всё выглядело просто, а не дёшево.

Я набрала поставщику.

— Доброе утро, это Дарья Лебедева, «Тихая церемония».

— Доброе? — женщина на другом конце провода коротко рассмеялась. — Я со среды не могу дозвониться до вашей Киры.

— Что случилось?

— Счёт просрочен. Причём не один. Пока не закроете задолженность, материалов не будет.

Я прислонилась к стойке.

— Наверное, какая-то ошибка. Кира показала мне подтверждение аванса ещё в среду.

— Мне ничего не пришло.

— Я проверю и перезвоню вам в течение часа.

— Очень на это надеюсь, Дарья. Иначе будем решать вопрос официально.

Я положила телефон экраном вниз. Неприятный холод в животе стал сильнее.

Пока я открывала банковское приложение компании, в дверь почти вбежала Люба — наша помощница по декору. На плече у неё висела сумка с рулонами ленты, а в руках была коробка с восковыми цветами.

— Даша, доброе утро. Я вам написала ещё ночью, вы видели?

— Нет. Что произошло?

Она остановилась посреди комнаты и взглянула на стол Киры.

— А Кира где?

— Не знаю. Может, в кофейне.

— Я была там. Её нет.

— Тогда скоро придёт.

Люба поставила коробку и достала телефон.

— Вчера мне позвонила невеста из «Жемчужной гавани». Она сказала, что её свадьбу отменили, хотя сама она ничего не отменяла.

— Какую невесту?

— Наталью Громову. Я проверила календарь: у нас действительно стоит её заказ. Только я её никогда не видела.

— Возможно, он у Киры. Она ведёт договоры.

Люба помолчала.

— Даш, там ещё страннее. Наталья говорит, что перевела нам деньги за аренду площадки, декор и фотографа. А фотограф не знает о заказе.

Я медленно опустила телефон.

— Сколько денег?

Люба назвала сумму.

Я попросила повторить.

Сумма была больше, чем выручка нашего агентства за хороший месяц.

— Так не бывает, — сказала я.

И тут же поняла, как жалко прозвучали мои слова.

За десять лет работы в свадебной индустрии я видела многое: невесту, сбежавшую за час до церемонии; жениха, перепутавшего кольца; мать, которая уволила ведущего без согласия молодых. Но никто ещё не перечислял нам столько денег за заказ, о котором я не слышала.

— Покажи календарь, — попросила я.

Мы открыли общую базу.

В таблице были отмечены десятки мероприятий. Рядом с некоторыми фамилиями стояли маленькие серые кружки — внутренний знак Киры, который она называла «резервами».

— Это новые? — спросила я.

Люба покачала головой.

— Записи добавлены в разные месяцы. Просто я раньше не открывала этот раздел.

Я кликнула по первой фамилии. Договор на проведение праздника в «Атриуме». Дата. Подрядчики. Аванс. Акты выполненных работ.

Фамилия ничего мне не говорила.

Вторая запись — то же самое.

Третья.

Четвёртая.

Я открывала документы всё быстрее. Среди них находились настоящие заказы, над которыми работала наша команда. Но другие выглядели так, будто кто-то скопировал знакомую форму и наполнил её чужими именами.

— Люба, — попросила я, — принеси блокнот.

— Какой?

— Любой. И пока никому ничего не отправляй. Ни подтверждений, ни отказов. Нам нужно понять, что произошло.

Она кивнула, но не ушла.

— Даша, у нас проблемы?

Я посмотрела на неё. Любе было двадцать четыре, она работала с нами всего девять месяцев, но относилась к каждому заказу так, будто готовила свадьбу собственной сестры.

— Пока не знаю, — ответила я. — И не хочу тебя пугать раньше времени.

— Я уже испугалась.

— Тогда будем бояться и разбираться одновременно.

У неё дрогнули губы. Кажется, она хотела улыбнуться, но передумала.

Я позвонила Кире.

Один гудок.

Второй.

Потом механический голос сообщил, что абонент недоступен.

«Ничего страшного», — сказала я себе. Можно забыть зарядить телефон. Можно заснуть у знакомых. Можно просто устать от всех и выключить связь. Я сама мечтала об этом каждую пятницу.

Но Кира никогда не исчезала без предупреждения.

Одиннадцать лет назад мы познакомились на подготовительных курсах. Я уронила папку с рисунками прямо в лужу возле остановки и села на бордюр, решив, что жизнь окончена. Кира молча собрала листы, привела меня в ближайшую кофейню и полчаса сушила мокрую бумагу салфетками.

— Художник из тебя, может, и получится, — сказала она тогда. — Но папку купи нормальную.

С тех пор она покупала папки, а я рисовала всё остальное.

Когда мы открыли агентство, Кира взяла на себя договоры, аренду, бухгалтерию, работу с площадками. Я занималась людьми, цветами, светом и мечтами. Наше партнёрство казалось идеальным, потому что мы никогда не пытались делать работу друг друга.

Теперь, глядя на чужие фамилии на экране, я впервые задумалась, насколько ошибочным было это решение.

— Даша, — позвала Люба.

На стойке лежал курьерский конверт.

— Его только что принесли. На ваше имя.

Я разорвала плотную бумагу. Внутри находилось официальное требование вернуть крупную задолженность по договору, о существовании которого я ничего не знала.

Моё имя было напечатано на первой странице.

Моя должность — на второй.

А на последней стояла подпись, похожая на мою.

Не моя. Похожая.

Сердце стукнуло так сильно, что я почувствовала это в горле.

— Люба, позвони Анне Сергеевне из бухгалтерии. Скажи, что нам срочно нужен список всех операций за последние полгода. И сохрани копии каждого документа, который найдёшь.

— Хорошо.

— А ещё ничего не удаляй в базе. Даже если попадётся явная ошибка.

— Поняла.

Я сфотографировала страницы письма, отложила оригинал и набрала номер юриста, с которым мы когда-то консультировались по аренде. Он не ответил. Я оставила короткое сообщение и попросила перезвонить.

Потом снова открыла таблицу.

Чем дольше я смотрела, тем яснее понимала: здесь не могло быть простой бухгалтерской ошибки. В документах фигурировали разные площадки и подрядчики. Где-то стояли несуществующие номера заказов; в других случаях договоры были оформлены на реальных людей, но даты не совпадали с календарём мероприятий.

И почти в каждом подозрительном файле значилась отметка Киры.

Мне захотелось закрыть ноутбук и уйти домой.

Вместо этого я продолжила проверять.

К половине десятого я отметила сорок семь подозрительных заказов. Проверить их достоверность за один час было невозможно. Но у всех обнаружилось одно тревожное сходство: в документах значились оплаченные услуги, а команда не помнила ни подготовки, ни самих церемоний.

Сорок семь свадеб.

Сорок семь историй, в которых кто-то обещал кому-то долгую счастливую жизнь.

И я всё сильнее боялась, что ни один из этих праздников на самом деле не состоялся.

— Я не понимаю, — тихо сказала Люба. — Если свадеб не было, зачем оформлять столько документов?

— Я тоже пока не понимаю.

Это была не вся правда. Я понимала достаточно, чтобы испугаться, но не настолько, чтобы объяснить происходящее.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Максима.

«Ты сегодня свободна после шести? Хочу показать площадку, которую нашёл для нас».

Я посмотрела на экран и невольно улыбнулась. Всего на секунду. Его сообщения всегда начинались с каких-нибудь практичных вещей: нашёл место, купил хлеб, заменил перегоревшую лампу. Максим не умел красиво говорить о любви, зато помнил, что у меня болит голова от резкого света и что я забываю обедать, когда работаю.

Мы должны были пожениться через шесть недель.

Я уже выбрала платье — простое, цвета слоновой кости, без бесконечных слоёв кружева. Он обещал не спорить насчёт музыки, а я — не превращать нашу свадьбу в очередную рабочую смену.

«У нас в агентстве серьёзные проблемы», — написала я.

Он ответил сразу:

«Что случилось?»

Я посмотрела на разбросанные бумаги.

«Пока сама не знаю. Кира не выходит на связь. Приходи, когда сможешь».

«Через час буду».

Я убрала телефон и открыла очередной договор.

Номер 047.

Банкетный зал «Атриум».

Сумма — почти два миллиона рублей.

Дата — ноябрь прошлого года.

Жених: **Максим Серов**.

Невеста: **Софья Елагина**.

Я прочитала запись снова.

Потом ещё раз.

Буквы не менялись.

Люба что-то спрашивала, но я не слышала. Я открыла приложенный акт и увидела под сканом подписи знакомые инициалы. В графе контактов был указан телефон, который заканчивался теми же цифрами, что номер Максима.

В ноябре прошлого года он ездил в командировку. Помню, как поздно ночью мы разговаривали по видеосвязи и я жаловалась, что снова проспала встречу с флористом. Он показал мне гостиничный номер и обещал вернуться к выходным.

Значит ли это, что командировка была ложью?

Я попыталась представить его у алтаря рядом с другой женщиной.

Не получилось.

Мы познакомились два года назад на выставке свадебного оборудования. Он работал с освещением и смеялся над моей попыткой объяснить техникам, почему «тёплый белый» недостаточно тёплый. Я назвала его занудой. Он пригласил меня на кофе. Потом ещё на один. А через год сказал, что не представляет, с кем ещё хотел бы просыпаться по утрам.

Я вспомнила, как он выбирал кольцо, как нервничал перед разговором с моей мамой, как в день предложения спросил не «ты выйдешь за меня?», а «ты будешь со мной, даже когда мы оба станем ужасно скучными?».

Неужели всё это было игрой?

— Даша?

Люба стояла возле стола, прижав к груди блокнот.

— Что с вами?

Я перевернула ноутбук экраном к ней.

Она прочитала фамилию жениха. На её лице отразилось то же недоумение, которое, наверное, было сейчас на моём.

— Может, это другой Максим Серов?

— И телефон у него случайно тот же?

Люба села.

— Но вы же...

— Да, — ответила я. — Мы собираемся пожениться.

Я произнесла это вслух и вдруг почувствовала, насколько хрупким стало слово «собираемся».

Мы не стали делать никаких выводов. Я сохранила отдельную копию файла, записала номер договора и попросила Любу пока не обсуждать его с коллегами — но ничего не удалять и не менять в базе. Не потому, что хотела спрятать правду. Одно неподтверждённое подозрение могло разрушить человеку жизнь, а я всё ещё надеялась найти объяснение.

В одиннадцать дверь агентства открылась.

Максим вошёл без привычной улыбки. Снял тёмную куртку, поставил на пол сумку с ноутбуком и сразу заметил бумаги на стойке.

— Даша, что произошло?

Я не обняла его.

Не спросила, как добрался.

Просто повернула экран.

Он посмотрел на договор.

И побледнел.

Это длилось меньше секунды. Но я слишком хорошо знала его лицо, чтобы не заметить.

— Откуда это у тебя? — спросил он.

Не «что это?».

Не «кто такая Софья?».

Откуда это у тебя.

Я медленно встала.

— Ты знаешь, что это за документ?

Максим посмотрел на Любу, потом снова на меня.

— Давай поговорим без посторонних.

Люба поднялась так быстро, что стул скрипнул по полу.

— Я пойду проверю доставку цветов, — пробормотала она и вышла в соседнюю комнату.

Мы остались вдвоём.

За окном проехал трамвай. Его колёса заскрежетали на повороте. Раньше этот звук раздражал меня. Теперь я была ему благодарна: он заполнял паузу, в которой мой жених не мог найти слов.

— Максим, — произнесла я. — Кто такая Софья Елагина?

Он опустился на стул.

— Я не знаю её лично.

— Тогда почему ты указан её женихом?

Он провёл ладонью по лицу.

— Потому что кто-то воспользовался моими документами.

Я почувствовала облегчение — короткое, почти болезненное.

— Когда ты об этом узнал?

Максим замолчал.

Вот тогда облегчение исчезло.

— Макс. Когда?

— Два месяца назад.

Я смотрела на него и ждала продолжения.

Невозможного. Такого, после которого всё снова станет понятным.

Но он лишь добавил:

— Я собирался тебе рассказать.

И впервые за два года я поняла, что совершенно не знаю мужчину, за которого собиралась замуж.

ГЛАВА 2. ЦЕНА ОТМЕНЁННОГО ПРАЗДНИКА

— Два месяца назад, — повторила я.

Максим сидел напротив, положив ладони на колени, будто пришёл не к собственной невесте, а на собеседование, где от правильного ответа зависело его будущее.

— Даша, дай мне объяснить.

— Ты уже объяснил самую важную часть. Ты знал.

— Я видел файл. Не этот, в таблице, а отдельный PDF. Кира сказала, что это макет для рекламной презентации. Я потребовал убрать моё имя.

— И решил мне не говорить?

— Да.

Он не пытался украсить ответ. Наверное, я должна была оценить его честность. Вместо этого мне захотелось швырнуть в стену вазу с бумажными ветками, которую я сделала сама.

— Сколько раз за эти два месяца ты спрашивал меня, как идут дела в агентстве? — произнесла я. — Сколько раз говорил, что мы не должны ничего скрывать друг от друга?

— Много.

— А сам молчал.

Максим посмотрел на стеклянную дверь за моей спиной. В соседнем помещении Люба переставляла коробки и изо всех сил старалась не слушать.

— Я думал, это нелепая ошибка, — сказал он. — Думал, Кира исправила её.

— Ты не проверил.

— Не проверил.

Я медленно выдохнула. Если бы он начал спорить, стало бы легче злиться. Но он признавал каждый факт, а боль от этого никуда не исчезала.

— Мне нужна вся ваша переписка, — сказала я.

— Покажу.

— Не сейчас. Сейчас у меня клиенты, которым кто-то отменяет свадьбы без их ведома.

Я развернула к себе ноутбук. Максим поднялся.

— Чем помочь?

— Пока — ничем. Пожалуйста, уходи.

Он побледнел, но не приблизился.

— Позвони, когда сможешь разговаривать.

— Я позвоню, когда захочу разговаривать. Это разные вещи.

Максим кивнул и вышел. Дверь закрылась тихо. Влюблённые люди в фильмах после подобных сцен бросаются друг за другом по лестнице. Я осталась проверять номер договора.

Через пять минут позвонила Наталья Громова.

— Вы руководитель? — спросила она без приветствия.

— Да. Дарья Лебедева.

— Отлично. Тогда объясните, кто отменил мою свадьбу.

Я зажмурилась. На стене напротив висела рамка с нашим первым рекламным слоганом: «Ни одной лишней тревоги в ваш день».

— Наталья, я не хочу вас обманывать. Мы обнаружили ошибки в документах и сейчас проверяем каждую запись. Я не вижу вашего заявления об отмене.

— Потому что я его не подавала! У меня гости едут из трёх городов. Площадка сказала, что бронирования нет. Фотограф пишет, что аванс ему не поступал. А ваша Кира вчера не отвечала. Сегодня уже телефон отключён.

Я взяла чистый лист.

— Можно уточнить, куда и когда вы перечисляли деньги? Не присылайте мне пароли и ничего подобного. Мне понадобится только копия платежного подтверждения, которое вы уже получили в банке.

— Вы хотите сказать, что сами не знаете, где мои деньги?

— Сейчас — не знаю. Мне очень жаль. Я выясню, какие именно платежи прошли по нашим счетам, и дам вам письменный ответ. И сразу предупреждаю: я не могу обещать возврат сегодня, не разобравшись с документами.

На другом конце провода раздался короткий всхлип. Потом женщина взяла себя в руки.

— Мне тридцать пять, Дарья. Я три года копила на эту свадьбу. Не ради фотографии. Ради того, чтобы моя мама приехала и увидела, как я выхожу замуж. Она тяжело болеет. Я не могу просто перенести всё на следующий год.

Мне нечего было ответить.

— Я понимаю, — сказала я наконец.

— Нет. Пока не понимаете.

Связь оборвалась.

Люба вошла с двумя стаканами воды. Один поставила передо мной, сама не села.

— Я слышала, как вы говорили.

— Я тоже слышала, как говорила. И ненавижу каждое слово.

— Даша, мы правда ничего не можем сделать?

Я посмотрела на неё. Раньше хороший ответ находился у Киры. Она могла за час договориться о рассрочке, уговорить поставщика, вернуть бронь. Я отвечала за красоту. Кира — за то, чтобы эта красота вообще стала возможной.

Теперь её стул пустовал.

Я открыла папку с платежами и впервые внимательно посмотрела на графу «оплачено». Там стояли суммы с шестью нулями. Справа — сканы актов, в которых якобы всё уже выполнено. Но банковская выгрузка, доступная мне как директору, выглядела совсем иначе: среди реальных поступлений и переводов не находилось однозначных пар к большинству записей.

— Если здесь написано «оплачено», это ещё не значит, что деньги действительно были, — произнесла я.

Люба наклонилась к экрану.

— А если деньги были, но ушли не нам?

— Тогда нам придётся выяснить, кому именно.

Около полудня перезвонил юрист, с которым мы консультировались при заключении договора аренды. Его звали Роман Астахов. Я помнила его по привычке не обнадёживать клиента прежде, чем он прочитает документы.

— Добрый день, Дарья. Вы говорили об обнаруженных подписях и неучтённых договорах. Расскажите по порядку, — попросил он.

Мне потребовалось почти двадцать минут. Роман не перебивал, иногда уточнял номера, даты и мои полномочия. Когда я закончила, он произнёс:

— Во-первых, не удаляйте ни одного файла и не исправляйте договоры задним числом. Во-вторых, обеспечьте сохранность рабочих документов и зафиксируйте, кто сейчас имеет доступ к системам. В-третьих, любые ответы пострадавшим давайте письменно, с подтверждёнными фактами. И не берите на себя обещания вернуть сумму, которую ещё не установили.

— Но я директор. Значит, это моя ответственность.

— Управленческую ответственность мы будем разбирать отдельно. Если подпись подделана, это другой вопрос. Нельзя сейчас ни снимать с себя все обязательства, ни признавать за собой чужие действия без проверки.

Я стиснула ручку.

— Кира пропала. Может быть, с ней что-то случилось.

— Вы уже обращались по поводу её исчезновения?

— Нет. Только звонила.

— Поговорите с родственниками, сохраните сообщения. Если есть признаки угроз или обстоятельства вызывают опасения, сообщите об этом правоохранителям. А с документами приезжайте ко мне сегодня. Возьмите копии, оригиналы храните отдельно.

После разговора я узнала, что несколько сотрудников до сих пор входили в общий архив по старому паролю. Мы с Любой вызвали нашего специалиста по обслуживанию техники, чтобы он помог упорядочить доступ и сохранить журналы действий, не уничтожая старые записи.

В час дня доставили письмо от площадки «Жемчужная гавань». Там сообщали, что бронь Натальи Громовой не подтверждена, а документ с печатью агентства, который она предъявляла, площадка не выдавала.

Я положила письмо рядом с записанным от руки именем Натальи.

Сегодня утром я боялась, что потеряю бизнес.

Теперь стало ясно: люди могли потерять гораздо больше, чем я.

В пять часов мы с Любой распечатали перечень реальных свадеб, до которых оставалось меньше месяца. Их было четыре. Рядом с каждой я написала, кто из подрядчиков подтвердил бронь, кому уже заплачено и где ещё нужно проверять.

— А наши сорок семь? — спросила Люба.

— Пока не наши. Пока просто записи. Мы даже не знаем, сколько в них реальных денег.

Вечером я отправила Наталье короткое письмо: её заказ находится на проверке; отмену с её стороны мы не подтверждаем; подтверждения платежей и бронирования нужно сопоставить; завтра я свяжусь с площадкой при её согласии.

Палец завис над кнопкой «Отправить».

Всё, что мне хотелось написать на самом деле: «Пожалуйста, не думайте, что я такая же, как тот, кто это сделал».

Но это были слова для меня, не для неё.

Я отправила письмо без оправданий.

Через минуту на экране появился ответ неизвестного адресата.

«Даша, не трогай старые договоры. Ты не знаешь, кто за ними стоит».

Подписи не было.

Я перечитала сообщение трижды. А потом переслала его юристу и сохранила вместе с остальной перепиской.

Больше всего я боялась не угрозы.

Больше всего — того, что, возможно, впервые за одиннадцать лет меня предупреждала собственная лучшая подруга.

ГЛАВА 3. НЕЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Во вторник офис выглядел как помещение после небольшой, но очень организованной катастрофы.

На полу стояли подписанные коробки. На столах лежали папки с реальными свадьбами, копии писем и распечатки из календаря. Люба принесла три цвета стикеров: зелёный — подтверждено, жёлтый — требует проверки, красный — запись не совпадает с фактами.

— Не перепутать бы смысл, — заметила она. — А то я вчера случайно приклеила красный на наш чайник.

— Он тоже вызывает сомнения, — ответила я. — Последний раз нормально работал в августе.

Люба впервые с понедельника засмеялась.

Звук получился короткий, почти виноватый.

— А вы спали? — спросила она.

— Да.

— Сколько?

— Врать будешь ты, а я пока помолчу.

Она поставила передо мной бумажный стакан с кофе.

Мы начали не с вымышленных торжеств, а с настоящих.

Это было важно. Ближайшая свадьба, до которой оставалось десять дней, принадлежала Лене и Илье — молодой паре, для которой мы оформляли небольшой зал на окраине города. Они хотели много света, тёплые ткани и ни одного золотого шара. За этот последний пункт я их обожала.

Я дозвонилась фотографу. Он подтвердил предоплату.

Флорист ответила, что заказ записан, но ждёт остаток суммы.

Площадка назвала нужную дату и имя администратора.

Мы поставили три зелёных стикера и один жёлтый.

— Кажется, это лучше, чем вчера, — сказала Люба.

— Это всего одна свадьба.

— Значит, нужно начать с одной.

Я посмотрела на неё. Моя помощница, которую я считала слишком юной, чтобы доверить ей серьёзные переговоры, сейчас говорила разумнее меня.

Через два часа мы добрались до подозрительных записей.

Список насчитывал сорок семь строк. У большинства были аккуратно заполненные карточки клиентов, банкетные меню и итоговые акты. Всё выглядело убедительно до тех пор, пока мы не сопоставляли документы с нашим производственным календарём.

— Вот заказ четырнадцать, — сказала Люба. — Пятьсот гостей. Зал «Атриум». На схемах — двенадцать флористических арок. Но мы никогда не закупали столько цветов.

— Может, работал сторонний подрядчик.

— Тогда где утверждение макета? Вы лично согласуете каждый декор крупнее определённого бюджета.

Она была права.

Я открыла свойства файла. Договор датировался прошлым январём, а электронная копия была создана в четверг на прошлой неделе. Это само по себе не доказывало подделку: старые бумаги часто сканируют повторно. Но в соседнем файле, якобы подписанном ещё осенью, упоминался пакет услуг, который «Атриум» ввёл только весной.

— Смотри, — произнесла я.

Люба придвинулась.

— Название пакета?

— Именно. И в ноябре его не существовало.

Мы записали это как несоответствие, а не как доказанный подлог. Я уже начинала понимать, почему Роман вчера так настойчиво просил не делать поспешных выводов.

Сорок семь строк не означали сорок семь полученных авансов. И даже сорок семь чужих обманутых семей пока не означали. Часть фамилий была настоящей; откуда взялись остальные, мы не знали. Для нескольких карточек использовали фотографии из нашего рекламного портфолио. И все они в какой-то момент проходили через одну систему хранения, к которой Кира имела доступ.

— Я всегда думала, что у неё просто идеальная память, — сказала Люба.

— У кого?

— У Киры. Она могла назвать номер любого счета, не открывая папку. А я иногда забываю, зачем зашла на склад.

Я посмотрела на пустое кресло партнёрши.

На спинке висел шарф с голубыми полосками. Я подарила его Кире прошлой зимой, когда та жаловалась, что у неё нет ни одной вещи, которую можно завязать красиво, а не просто тепло.

Всю жизнь я была уверена, что знаю её привычки лучше собственных.

Теперь не могла сказать, где она провела последнюю ночь.

— Люба, а когда ты видела её в последний раз?

Девушка задумалась.

— В пятницу после обеда. Она попросила меня подготовить возврат коробок из «Атриума». Сказала, что новые образцы там уже не нужны. Я подписала накладную, а забрали их только вчера утром.

Я подняла голову.

— Забрали откуда?

— Из «Атриума». Курьер нашей доставки привёз их обратно на склад. Я ещё хотела перебрать сегодня, но вы сказали сначала проверить календарь.

На секунду что-то шевельнулось в памяти. Кира любила использовать образцы дважды, пока они не потеряют вид. При этом каждый старый макет она складывала в отдельную папку, как архив наших маленьких побед.

— Ты помнишь, какие именно коробки вернулись?

— Две большие и узкая плоская. На плоской написано «Атриум. Демонстрационные материалы».

Я записала слова в блокнот.

— Пока не открывай ничего без меня. Мы вместе составим перечень того, что там есть, чтобы потом не спорить, кто и что видел.

— Хорошо.

В обед приехала Анна Сергеевна, бухгалтер, которую мы привлекали для отчётности. Она вошла с собственным ноутбуком и суровым выражением лица женщины, которой утро без кофе кажется административным нарушением.

— Дарья, — сказала она после приветствия, — я выгрузила операции по тем счетам компании, к которым у меня есть законный доступ. Начнём с того, что написано на бумаге и чего действительно коснулись деньги.

Она разложила распечатки.

Часть крупных сумм из подозрительных актов вообще не находила отражения в наших поступлениях. Некоторые перечисления шли напрямую в адрес банкетных площадок. Другие транзакции требовали уточнения назначения и правового основания. Реальные обязательства

перед поставщиками существовали, хотя в Кириной таблице напротив них стояли отметки «закрыто».

— Мы не можем сейчас назвать окончательный ущерб, — сказала Анна Сергеевна. — И не будем пытаться вывести его суммой всех договоров. Нужны первичные документы и сведения банков, которые мы запросим установленным порядком.

Я кивнула.

— Кто составлял эти реестры?

— Часть — Кира. Часть появилась позже из общего архива. Но по одной дате создания файла невозможно установить человека, который её внес.

Опять не ответ, а новая граница нашего знания.

Когда Анна Сергеевна ушла, мы с Любой долго сидели молча. Потом я достала из ящика старый снимок, сделанный в день открытия агентства.

Мы с Кирой стояли у двери, обнимая друг друга за плечи. Я была в неудобных красных туфлях, которые разорвали мне пятки. Кира смеялась, потому что на нашей вывеске мастер по ошибке напечатал «Тихая церемония» с лишней буквой. Денег переделать её не было, и мы три дня заклеивали ошибку маленькой бумажной розой.

На той фотографии мы были уверены, что самые трудные времена остались позади.

— Даша, — произнесла Люба, — вы думаете, она украла деньги?

Я подняла глаза.

— Я думаю, что она должна была рассказать мне правду. Что бы ни произошло.

Вечером мне написала мама. Спросила, не забыла ли я про примерку свадебного платья. Я смотрела на сообщение почти минуту.

Затем ответила: «Не забыла. Перенесём».

— У вас с Максимом всё нормально? — осторожно спросила Люба, заметив, как я убираю телефон.

— Я пока не знаю.

В этот момент в офис позвонил курьер. Он уточнял, кто распишется за возвратом последней коробки из «Атриума», которую привезли отдельным рейсом.

— Я, — сказала я.

Через пять минут к нам внесли длинную картонную коробку. На торце была наклейка с номером приёмки. Под скотчем проступали два слова, написанные знакомой синей ручкой Киры:

«Сохранить всё».

Я не стала вскрывать коробку одна.

Сначала позвонила Роману и рассказала, откуда она поступила. Он попросил зафиксировать накладную и состояние упаковки.

А потом я вдруг поняла, что впервые за двое суток сделала что-то не из страха и не из злости.

Просто правильно.

ГЛАВА 4. ДВА МЕСЯЦА МОЛЧАНИЯ

Максим пришёл в четверг вечером с ноутбуком и распечаткой писем.

Я сама попросила его приехать.

За два дня мы трижды разговаривали по телефону и каждый раз возвращались к одним и тем же словам. Он говорил, что боялся расстроить меня. Я отвечала, что от молчания мне стало только хуже. Он признавал вину. Я всё равно не знала, как с ней жить.

Поэтому теперь я потребовала фактов.

Мы встретились не дома, а в маленьком кафе возле юридической конторы. Я пришла после консультации у Романа, оставив в его кабинете копии документов, и не хотела разговаривать там, где ещё недавно представляла нашу общую жизнь.

Максим поставил передо мной папку.

— Здесь письмо Кире. Исходный файл, её ответ, история отправки. Роман может посмотреть вместе с тобой, если захочешь.

Я раскрыла папку.

Два месяца назад Максим получил по почте договор с собственными паспортными данными и именем Софьи Елагиной. Подпись в документе была похожа на его, но не совпадала с настоящей. Он переслал файл Кире и написал коротко: «Что это за документ? Уберите мои данные из всех макетов и объясните, почему они вообще используются».

Кира ответила через двадцать минут: «Макс, это презентационный шаблон для новой площадки. Наша ошибка. Удалим до конца дня. Дашу не тревожь, она и так на пределе из-за работы».

Я прочитала ответ.

Потом ещё раз.

— Она попросила тебя не рассказывать, — произнесла я.

— Да.

— А ты послушался.

Максим кивнул.

— Я понимаю, как это выглядит.

— Нет, — сказала я. — Ты понимаешь, как это выглядело тогда. Сейчас мы знаем, что шаблон оказался частью большого списка. Что тебе помешало хотя бы спросить меня, слышала ли я о нём?

Он провёл рукой по волосам.

— Я не хотел ставить тебя между мной и Кирой. Вы столько лет вместе. Я знал, как ты переживаешь за агентство. Думал, если она исправит ошибку, можно ничего не поднимать.

— Значит, решил за меня.

— Да.

— Ты не доверял мне разобраться самой.

Максим посмотрел на меня с болью, от которой раньше я бы сразу потянулась к его руке. Сегодня руки остались у меня на коленях.

— Я доверял тебе. Я не доверял ситуации.

— Очень удобная разница.

Он не стал возражать.

— Откуда у Киры оказались твои документы? — спросила я, листая вложения.

— Когда мы продлевали аренду помещения, ты просила помочь с поручительством. Я дал копии паспорта и реквизитов для проверки документов. Ты тогда ещё шутила, что я официально женюсь на вашем агентстве раньше, чем на тебе.

Я вспомнила.

Мы стояли возле старого принтера, который зажевал два листа договора. Максим принёс бумагу, кофе и набор инструментов, будто собирался ремонтировать корабль. Он действительно подписывал документы для арендодателя и передавал копии удостоверения личности по согласованному пакету.

— Копии должны были остаться в закрытой папке, — сказала я.

— Должны были.

— И я ни разу не проверила, у кого есть доступ к архиву.

— Даш, это не означает, что ты подделала договор.

— Я знаю. Но это означает, что моя работа была устроена хуже, чем я думала.

На минуту мы замолчали. За соседним столом мужчина объяснял ребёнку, почему нельзя считать горячий шоколад ужином. Девочка не соглашалась, и в обычной жизни я бы улыбнулась этому спору.

Сегодня он звучал будто из другого мира.

— Кто такая Софья Елагина? — спросила я.

— Не знаю. Я проверил имя в открытом поиске после первого письма, но уверенности, что нашёл нужного человека, не было. Я с ней не встречался, Даша.

— Я не спрашиваю, встречался ли ты с ней.

— Но ты думаешь об этом.

Я подняла глаза.

— Я думаю о том, что человек, которому я доверяла больше всего, спрятал от меня бумагу, на которой его уже поженили с другой. И теперь мне приходится самой разбираться, что из нашей жизни настоящее.

Он резко вдохнул, как после удара.

— Настоящее — я люблю тебя.

Я посмотрела на его левую руку. Там был тонкий светлый след от часов. В моей квартире лежал его второй зарядный кабель, у меня в холодильнике стоял любимый йогурт Максима. Любовь из этих мелочей не исчезла. Но стала другой: близость вдруг требовала объяснения.

— Я тоже тебя люблю, — сказала я. — И поэтому мне так больно.

Он протянул руку через стол, но остановился, не дотронувшись.

— Что мне делать?

— Сегодня — отдать исходные письма Роману. Завтра — не пытаться убедить меня, что всё уже хорошо. А дальше я не знаю.

Максим медленно убрал руку.

— Понял.

На выходе из кафе он отдал мне запасной ключ от моей квартиры.

— Я не буду приходить без приглашения. И не стану просить тебя выбирать между мной и расследованием.

От неожиданности я едва не сказала: «Не нужно». Но ключ остался в моей ладони. Металл был холодным и совсем не весил столько, сколько ощущалось.

— Спасибо, — выговорила я.

— Даш, я не требую, чтобы ты мне верила. Я просто не хочу снова прятаться за словом «берегу».

Он ушёл по улице, не оборачиваясь.

Я ещё долго стояла под козырьком кафе, сжимая ключ. На стекле отражались фонари, автомобили, мои глаза — непривычно взрослые и усталые.

А потом позвонила Люба.

— Даша, я нашла ту рекламную фотосессию.

— Какую?

— С девушкой по имени Софья Елагина. Помните, два года назад мы снимали осенний каталог для свадебного портфолио? Там были и вечерние образы, и фата.

Я прислонилась к стене.

— Помню. Дай мне минуту.

— На снимках она одна. И Максима рядом нет. Но лицо точно её. Я нашла подписанный бриф съёмки. Там контакт фотографа.

Впервые за долгие дни неизвестность стала приобретать очертания.

Я посмотрела на ключ в руке.

Максим не был женат на другой женщине. По крайней мере, ни один факт пока этого не подтверждал.

Но кто-то очень хотел, чтобы я в это поверила.

ГЛАВА 5. ДЕВУШКА СО СВАДЕБНЫХ СНИМКОВ

В пятницу утром я поняла, как легко рекламную фотографию превратить в свидетельство чужой свадьбы.

Достаточно изменить цвет платья, заменить фон — и работа модели уже выглядит как снимок счастливой невесты. Только самой девушке об этой «свадьбе» никто не сообщил.

Люба разложила передо мной фотографии двухлетней давности.

На первой девушка в красном вечернем платье стояла у окна. На второй — поправляла длинную фату. На третьей улыбалась в сторону фотографа, держа букет из белых сухоцветов.

Та же девушка смотрела на меня с поддельного договора Максима.

— Софья Елагина, — сказала Люба. — Она работала моделью на съёмке нашего осеннего каталога. Фотограф был Арсений Дымов, я нашла счёт. В договоре указано, что изображения можно использовать в рекламе агентства.

— А на свадьбу с Максимом она согласия не давала.

— Конечно нет.

— Мы пока не можем говорить «конечно». Мы должны спросить.

Люба кивнула.

Вчера вечером я отправила фотографу письмо по рабочему адресу. Теперь на экране появился его ответ: он подтвердил съёмку, но попросил связаться с Софьей через её публичную профессиональную страницу, а не передавать её личный телефон без согласия.

Мне понравилось, что хотя бы один человек в этой истории понимал, как обращаться с чужими данными.

Я написала кратко: представилась, назвала агентство и год съёмки, объяснила, что фотография могла быть использована не по назначению, предложила поговорить в присутствии юриста или по видеосвязи. Ни слова о преступлении, которое ещё не доказано. Ни слова о чужой личной жизни.

Ответ пришёл через полчаса.

«Я в городе. Можем встретиться в три. Только если речь о незаконном использовании фото, пришлите, пожалуйста, сначала объяснение, откуда у вас документы».

Я отправила ей официальный адрес агентства и предложила показать бумаги при встрече. Она согласилась.

До трёх я успела сделать четыре вещи: отказаться от нового заказа, который мы больше не могли гарантированно выполнить; отправить запрос в «Атриум» о документах, оформленных от имени нашей компании; записать для юриста номера сомнительных договоров; трижды открыть чат с Кирой и ни разу не написать.

На фотографии её профиля она улыбалась у моря.

Эта улыбка злила меня сильнее, чем следовало. В её публичной жизни всё продолжалось: несколько месяцев назад — выставка, в начале осени — свадьба двоюродной сестры, в четверг — открытка с красивым пожеланием.

Я не знала, что из этого было опубликовано заранее и что происходило с Кирой на самом деле.

Я знала только, что, когда мне нужна была её помощь, её нигде не оказалось.

В три часа Софья Елагина вошла в кафе у трамвайного кольца.

В жизни она оказалась невысокой, с короткими волосами, которые на свадебной фотосессии прятали под накладными прядями. На ней был серый костюм и тяжёлые ботинки. Никаких признаков таинственной женщины, разрушившей мою помолвку.

— Дарья? — спросила она.

— Да. Спасибо, что пришли.

Она села напротив, не снимая сумку с колен.

— Покажите, пожалуйста, о чём речь.

Я открыла бумажную копию документа — только страницы с её именем и фотографией, без чужих данных, которые не относились к вопросу. Софья взяла лист.

Несколько секунд смотрела молча.

— У меня нет слов, — произнесла наконец.

— Вы знаете этого мужчину?

Она показала пальцем на имя Максима.

— Нет.

— Никогда не работали с ним на мероприятиях?

— Я работаю в рекламе и иногда участвую в показах. Фамилия может быть знакома, но человека я не знаю. И замуж за него не выходила. Мы с мужем просто расписались, без свадебного торжества. Никакого праздника с Максимом Серовым у меня не было.

Я почувствовала облегчение, но не стала улыбаться. Не имела права превращать её неприятность в своё утешение.

— Как вам кажется, могли использовать фотографию из нашей съёмки?

Софья приложила копию к кадру на экране моего телефона.

— Это она. Здесь даже складка на рукаве такая же. Только фон заменили. Кто так сделал?

— Мы пытаемся выяснить.

Она повернула лист.

— Здесь указан мой старый адрес. Я давала его, когда подписывала документы для съёмки. Но точно не соглашалась, чтобы им заполняли свадебный договор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.